

Моей жене

*«Вот Я — на тебя, говорит Господь Саваоф,
и сожгу в дыму колесницы твои, и меч пожрет
львенков твоих, и истреблю с земли добычу твою,
и не будет более слышен голос послов твоих».*

Книга пророка Наума: 2, 13

Глава 1

В предвечернем свете засыпанный снегом городок с веселыми фонариками вдоль железной дороги, проложенной у подножия укрытых белым зимним одеялом холмов Тироля, сиял, как рождественская витрина. Люди, и местные, и приехавшие покататься на лыжах, все в яркой, нарядной одежде, широко улыбались друг другу, встречаясь на заснеженных улицах; на дверях и окнах бело-коричневых домов висели венки из хвои, потому что завтра начинался новый, сулящий столько надежд 1938 год.

Поднимаясь по склону холма, Маргарет Фриментл прислушивалась к хрусту снега под лыжными ботинками. Она улыбалась и прозрачному предвечернему свету, и голосам поющих детей, доносившимся откуда-то снизу. Сегодня утром Вена провожала Маргарет дождем, и мимо нее спешили мрачные, понурые люди, ведь дождь в большом городе всем портит настроение. Поэтому горы, синее безоблачное небо, белый снег и царящее в городке веселье она восприняла как подарок. Почему нет? Она молода, красива, у нее каникулы. Вот ей его и преподнесли.

Ноги Маргарет приятно гудели от усталости. При каждом шаге она взбивала маленькие фонтанчики снега. Две рюмки вишневого ликера, выпитые после того, как Маргарет провела вторую половину дня на лыжном склоне, согрели горло, и она чувствовала, как под толстым свитером тепло волнами разливается по плечам и рукам.

— *Dort oben am Berge*, — пели дети, — *da wettet der Wind...** — Их голоса далеко разносились в разреженном воздухе.

* Там, на горе, открытой ветрам... (нем.) — *Здесь и далее примеч. пер.*

— *Da sitzet Maria*, — подпела им Маргарет, — *und weiget ihr Kind**.

Ее лающий немецкий, конечно же, оставлял желать лучшего. Однако Маргарет радовала не столько мелодичность песни, сколько то, что она могла пропеть ее по-немецки.

Девушка она была высокая, стройная, с тонкими чертами лица, большими зелеными глазами и россыпью, как говорил Иосиф, «американских» веснушек на переносице. Иосиф приезжал завтра, первым утренним поездом, и, подумав о нем, Маргарет вновь заулыбалась.

Перед дверью отеля она остановилась, еще раз оглядела живописный городок, величественные горы, поблескивающие огоньки. Полной грудью вдохнула чистейший воздух. Открыла дверь и переступила порог.

Обеденный зал маленького отеля встретил ее яркими лампами, венками из сосновых ветвей и остролиста, густым, дразнящим запахом выпечки. Стены, забранные дубовыми панелями, массивная мебель, кожаные кресла и чистота, удивительная, абсолютная чистота, присущая многим, если не всем, отелям альпийских городков, столь осязаемая, что она становится таким же реальным предметом обстановки, как стул или стол.

Фрау Лангерман шла навстречу Маргарет с огромной хрустальной чашей для пунша. Ее широкое раскрасневшееся лицо, мгновением раньше такое сосредоточенное, расплылось в улыбке, как только она увидела Маргарет. Фрау Лангерман остановилась и поставила чашу на ближайший столик.

— Добрый вечер, — проворковала она. — Как покатались?

— Отлично, — ответила Маргарет.

— Надеюсь, вы не очень устали. — Фрау Лангерман чуть прищурилась. — Сегодня у нас будет маленькая вечеринка. С танцами. Много молодых людей. На такую вечеринку негоже приходиться усталой.

Маргарет рассмеялась:

— На танцы у меня сил хватит. Если меня научат вашим танцам.

* Дева Мария о сыне скорбит (нем.).

— О! — Фрау Лангерман даже всплеснула руками. — Беспокоиться не о чем. Молодые люди знают все танцы. И будут вам очень рады. — Она оценивающе оглядела Маргарет. — Правда, вы очень уж худенькая, но такие фигурки как раз входят в моду. Американские фильмы, вы понимаете. Скоро популярностью будут пользоваться только больные туберкулезом. — На ее раскрасневшемся лице, добродушном и гостеприимном, как огонь в камине, расцвела улыбка. Фрау Лангерман вновь подняла чашу и направилась к кухне. — Остерегайтесь моего сына Фредерика. Святой Боже, как же он любит девушек! — Она хохотнула и скрылась за дверью кухни.

Маргарет с наслаждением вдохнула аромат пряностей и растопленного масла, идущий из кухни. По лестнице она поднималась, что-то напевая себе под нос.

Поначалу особого веселья на вечеринке не чувствовалось. Люди постарше жались по углам, молодежь собиралась в группы, все отдавали должное щедро сдобренному пряностями крепкому пуншу. Девушки, в основном крупные, ширококостные, с сильными руками, нарядившись по-праздничному, явно чувствовали себя не в своей тарелке. Аккордеонист попытался расшевелить народ, сыграл две мелодии, но танцевать под них никто не стал, и он сдался, устроившись рядом с чашей пунша, дав возможность собравшимся развлекаться под граммофон с американскими пластинками.

Большинство гостей составляли местные жители, фермеры, лавочники, родственники Лангерманов. Все загоревшие (а горное солнце давало очень красивый, отливающий бронзой загар), пышущие здоровьем. Казалось, они овладели секретом бессмертия, и ни один микроб не мог существовать в крепкой, прокаленной солнцем плоти горцев, никакая болезнь не могла проникнуть под их кожу. Приезжие, занимавшие несколько номеров гостиницы Лангерманов, из вежливости выпили по одной кружке пунша и отправились на более веселые вечеринки в крупных отелях. Наконец, кроме Маргарет, в обеденном зале остались только местные. Маргарет пила мало, твердо решив, что ляжет спать пораньше и хорошенько выспится. Поезд Иосифа

прибывал в половине девятого, и она хотела встретить его свежей и отдохнувшей.

Но со временем вечеринка начала набирать обороты. Маргарет танцевала как вальсы, так и американские фокстроты практически со всеми молодыми парнями. Около одиннадцати, когда хрустальную чашу в третий раз наполнили пуншем, в зале было уже жарко и шумно, а лица гостей блестели не столько от загара, сколько от пота, она взялась учить Фредерика танцевать румбу. Остальные сгруппировались вокруг, смотрели и аплодировали, а когда танец закончился, старый Лангерман настоял на том, чтобы Маргарет станцевала этот танец с ним. Круглый, приземистый старичок с обширной розовой лысиной весь взмок, пока Маргарет на своем ломаном немецком под взрывы смеха окружающих пыталась объяснить ему особенности карибского танца.

— Господи, — покачал головой старый Лангерман, когда музыка смолкла, — вся жизнь прожита зря.

Маргарет рассмеялась и поцеловала его. Гости, окружившие их плотным кольцом, одобрительно захлопали, а Фредерик, широко улыбаясь, вошел в круг и протянул к ней руки.

— Поучите меня еще раз.

Пластинку поставили снова, но, прежде чем зазвучала музыка, Маргарет уговорили выпить еще одну кружку пунша. Фредерик путал шаги, но зато его руки держали Маргарет крепко и уверенно.

Танец закончился, и аккордеонист, зарядившись дюжиной кружек пунша, напомнил о своем существовании. Он не только играл, но и пел, и вскоре один за другим к нему присоединились все гости, встав плотным кружком. В отблесках полыхающего в большом камине огня их голоса и звуки аккордеона поднимались к высокому потолку. Пела и Маргарет, стоявшая рядом с Фредериком, который обнимал ее за талию. С покрасневшимся лицом, она пела тихим голосом, для себя, думая о том, какие это добрые, милые люди, какие дружелюбные, совсем как дети, как тепло принимают они приезжих, которых знать не знают, как славно эти люди поют, встречая Новый год, какими нежными под влиянием музыки становятся их грубые голоса.

— *Roslein, Roslein, Roslein rot, Roslein auf der Heide**, — пели они, и громкий голос старика Лангермана поднимался над общим хором. Маргарет пела вместе с ними. А когда она оглядела поющие лица, то увидела, что во всем зале только один человек не раскрывает рта.

Этот человек — Кристиан Дистль, лыжный инструктор. Высокий, сухощавый, с очень серьезным лицом, короткой стрижкой, загорелой до черноты кожей и светлыми, отливающими золотом глазами; их радужки усеивали желтые точки, какие часто видишь в глазах животных. Маргарет высмотрела его на склонах, где Кристиан учил кататься новичков, и восхищенно провожала взглядом, когда он красивыми, широкими дугами несся вниз. Теперь же он стоял чуть позади поющих, белая рубашка с отложным воротничком еще больше подчеркивала великолепный загар. Дистль держал в руке почти полную кружку и задумчиво наблюдал за певцами.

Маргарет поймала его взгляд. Улыбнулась.

— Пой, — шевельнулись ее губы.

Он улыбнулся в ответ, поднял кружку и вроде бы послушно запел, хотя в звучащем хоре Маргарет не удалось выделить его голоса.

С приближением Нового года вечеринка благодаря крепкому пуншу утратила свою чопорность. В темных углах уже целовались и обжимались парочки, голоса становились все громче. Маргарет все меньше понимала слова песен из-за сленга и двусмысленных выражений, от которых женщины постарше хихикали в кулачок, а мужчины радостно гоготали.

А когда до полуночи оставалось совсем ничего, старик Лангерман взобрался на стул и дал знак аккордеонисту, требуя тишины.

— Как ветеран Западного фронта, воевавший там с тысяча девятьсот пятнадцатого по тысяча девятьсот восемнадцатый год, — заговорил он торжественно, хотя язык его слегка заплетался от выпитого пунша, — четырежды раненный, я хочу, чтобы вы все вместе со мной исполнили дорожную мне песню.

* Розочка, розочка, розочка красная, розочка, что на полянке растет (*нем.*).

Он махнул рукой аккордеонисту, и в зале зазвучали начальные аккорды «Deutschland, Deutschland uber Alles»*. Впервые Маргарет слышала, как эту песню пели в Австрии, но она выучила ее в пятилетнем возрасте, спасибо няне-немке. Слова она помнила и пела вместе со всеми, пьяная, мудрая и настоящая интернационалистка. Фредерик крепче обнял ее и поцеловал в лоб, радуясь тому, что она знает песню, а старик Лангерман, по-прежнему стоявший на стуле, поднял кружку и предложил тост: «За Америку! За молодых женщин Америки!» Маргарет выпила свою кружку до дна и поклонилась.

— От имени всех молодых женщин Америки позвольте сказать, что я вам очень признательна.

Фредерик поцеловал ее в шею, но, прежде чем Маргарет успела решить, как ей на это реагировать, аккордеонист заиграл вновь. Зазвучала какая-то резкая, примитивная, будоражащая мелодия, и все разом запели, гордо и торжественно. Поначалу Маргарет не поняла, что это за песня. Вроде бы она слышала ее раз или два, хотя не всю, лишь отдельные куплеты. Но сейчас, поскольку языки у всех уже заплетались, ревушие мужские голоса не позволяли разобрать немецкие слова.

Фредерик прижимал ее к себе, и Маргарет чувствовала, как страстность песни заставляет бугриться его мышцы. Она попыталась сосредоточиться на его голосе, а когда ей это удалось, Маргарет узнала песню.

— *Die Fahne hoch, die Reihen fest geschlossen*, — пел он, надрывая голосовые связки. — *S.A. marschirt in ruhig festen Schritt. Kameraden die Rotfront und Reaktion erschossen...***

Маргарет слушала, ее лицо каменело. Она закрыла глаза, почувствовала, как подкашиваются ноги. Долбящая по голове музыка оглушала ее. Она попыталась отстраниться от Фредерика, но его рука обвилась вокруг ее талии, словно стальная удавка. Маргарет стояла и слушала, а потом, открыв глаза, посмотрела на лыжного инструктора. Он не пел, но наблюдал за ней, и в его взгляде смешивались тревога и понимание.

* «Германия, Германия превыше всего» (нем.).

** «Сомкнув ряды, подняв высоко знамя, штурмовики идут, чеканя шаг. Рот-Фронт разбит, реакция...» (нем.).

Голоса звучали все громче, и к последнему куплету песни Хорста Весселя* они гремели, как гром. А потом мужчины вытянулись в струнку, расправив плечи, с горящими глазами, гордые и страшные. Женщины не отставали от них, словно оперные монахини, славящие оперного бога. Только Маргарет и молодой мужчина с золотистыми глазами молчали, когда от завершающей строки *Marschienren mit uns in ihrem Geiste mit*** едва не рухнул потолок.

Маргарет заплакала, молча, бессильно, коря себя за мягкость, не решаясь вырваться из объятий Фредерика, и в этот момент по всему городку в морозном ночном воздухе зазвенели церковные колокола.

Старик Лангерман поднял кружку. Красный как свекла, с катящимися по лысине каплями пота, он сверкал глазами так же, наверное, как в 1915 году, когда только что прибыл на Западный фронт.

— За фюрера! — В голосе Лангермана звучал благоговеиный трепет.

— За фюрера! — Кружки взлетели вверх, все жадно выпили.

— С Новым годом! С Новым годом! Господь, благослови этот год!

Патриотические чары рухнули, гости смеялись, хлопали друг друга по плечам, целовались, такие уютные, домашние, мирные.

Фредерик развернул Маргарет лицом к себе и попытался поцеловать, но ей удалось уклониться. Слезы перешли в рыдания, она вырвалась и убежала в свою комнату наверху.

— Американские девушки, — донесся до нее голос Фредерика, потом его смех. — Они думают, что умеют пить!

Слезы высохли. Бессилие осталось. Вкупе с осознанием того, что вела она себя глупо. Маргарет пыталась игнорировать и первое, и второе, пока чистила зубы, расчесывала во-

* Недоучившийся студент, с 1926 г. в нацистской партии. Активный член штурмовых отрядов. Убит в драке в трущобах Берлина политическими противниками. Написанная Весселем маршевая песня воспринималась в Германии как второй гимн Третьего рейха.

** «...идем мы в едином строю» (нем.).

лосы и промывала холодной водой покрасневшие глаза: не-зачем Иосифу знать, что накануне вечером она плакала.

Маргарет разделась в чистенькой комнатке с выбеленными стенами и коричневым деревянным распятием над кроватью. Выключила свет, открыла окно и забралась в большую кровать. А комнату заполнили ветер и лунный свет, слетевшие с высоких, запорошенных снегом гор. Пару раз по ее телу пробежала дрожь от холодных простыней, но мгновение спустя она уже согрелась под пуховым одеялом, на мягчайшей перине. Свежевыстиранное белье пахло точь-в-точь как в доме бабушки, белые тюлевые занавески чуть шуршали, касаясь подоконника. Аккордеонист играл внизу что-то грустное, осеннее, о любви и близкой разлуке, звуки музыки едва долетали до ее комнаты. Вскоре Маргарет заснула, и лицо ее во сне было серьезным и умиротворенным, детским и беззащитным.

Такое снилось ей часто. Пальцы, поглаживающие кожу, темное тело, лежащее рядом, чье-то дыхание у щеки, крепкие руки, сжимающие...

И тут Маргарет проснулась.

— Тихо, — произнес мужчина по-немецки. — Я не причиню тебе вреда.

Он пил бренди, невольно подумала Маргарет. От него пахнет бренди.

На какое-то мгновение она замерла, всматриваясь в глаза мужчины, маленькие блески в глубине черных глазниц. Его опытная рука прошла по животу, соскользнула ниже, на ногу. Он не разделся, и грубая, жесткая материя царапала кожу. Рывком Маргарет отпрянула к краю кровати и села, но мужчина не уступал ей в скорости и превосходил ее в силе, а потому мгновением позже она вновь лежала на кровати. Его рука накрыла ей рот. Он хохотнул:

— Маленькая зверушка, маленькая шустрая белочка.

Теперь она узнала голос.

— Это же я, — продолжал Фредерик. — Решил заглянуть в гости. Бояться тебе нечего. — Его рука оторвалась ото рта Маргарет. — Ты же не будешь кричать, — со смешком сказал Фредерик, словно ее поведение в немалой степени позабавило его. — Кричать нет смысла. Во-первых, все напи-

лись. Во-вторых, я скажу, что ты сама пригласила меня, а потом вдруг передумала. И мне поверят, потому что я девушкам нравлюсь, а ты иностранка, так что...

— Пожалуйста, уходи, — прошептала Маргарет. — Пожалуйста. Я никому не скажу.

Фредерик рассмеялся. Он, конечно, крепко выпил, но не до такой степени, чтобы не соображать, что делает.

— Ты очень красивая девушка. Самая красивая из всех, кто приезжал сюда в этот сезон...

— С чего тебя потянуло ко мне? — Маргарет пыталась отвлечь его разговорами, напрягала мышцы, чтобы тело стало каменным и его рука натыкалась на твердые, острые углы. — Есть же много других, кого только порадует твое внимание.

— Я хочу тебя. — Фредерик поцеловал ее в шею — как он полагал, с обезоруживающей нежностью. — Ты мне очень нравишься.

— Но я-то тебя не хочу, — ответила Маргарет. Какое-то безумие: глубокой ночью, обнаружив в своей постели здорового незнакомца, она волновалась из-за того, что ее может подвести знание немецкого, что она может забыть слова, построение предложений, идиомы, и ею овладеют лишь потому, что она не смогла достаточно ясно выразиться. — Я тебя не хочу.

— Приятно, знаешь ли, когда сначала девушка притворяется, будто никаких желаний у нее и нет. Это так женственно, так утонченно. — Она чувствовала, что Фредерик абсолютно уверен в себе и насмехается над ней. — Многие ведут себя именно так.

— Я расскажу твоей матери, — попыталась припугнуть его Маргарет. — Клянусь.

Фредерик опять рассмеялся, всем своим видом показывая, что с этой стороны ему ничего не грозит.

— Расскажешь, значит, матери? А почему, по-твоему, она поселила тебя в комнате с окном над сараем, крыша которого словно предназначена для того, чтобы в эту комнату забраться?

Такое просто невозможно, подумала Маргарет. Эта маленькая, кругленькая, сияющая женщина, которая вешает распятия во всех номерах, поддерживает в отеле идеальную

чистоту, трудится от зари до зари, ходит в церковь... Внезапно Маргарет вспомнила, как выглядела фрау Лангерман в этот вечер, в зале, когда вместе с остальными пела ту отвратительную песню: дикий, безумный взгляд, капли пота, проступившая в лице жестокость. К сожалению, это возможно, сделала она неутешительный для себя вывод, — семнадцатилетнему сосунку такого не выдумать...

— И сколько раз, — спросила она, оттягивая неминуемую развязку, — сколько раз ты забирался сюда?

Фредерик усмехнулся, и Маргарет увидела блеснувшие в темноте зубы. Рука его застыла, и он ответил, раздуваясь от самодовольства:

— Много. Но теперь я стал очень разборчивым. Залезать в окно нелегко, крыша сарая скользкая, можно и сверзиться на землю. Девушка должна быть очень красивой, как ты, чтобы я решился на такой подвиг.

Его рука двинулась дальше, нежная, умелая, настойчивая. Второй он, как в тисках, зажал обе ее руки. Маргарет злило собственное бессилие. Она замотала головой, попыталась сдвинуть ноги, но не смогла. Фредерик крепко держал ее, улыбался, ее слабенькое сопротивление явно доставляло ему удовольствие.

— Ты очень красивая, — шептал Фредерик. — И так хорошо сложена.

— Предупреждаю: я закричу.

— Это будет ужасно. Для тебя, — уточнил Фредерик. — Просто ужасно. Моя мать будет по-всякому обзывать тебя на глазах у других гостей и потребует, чтобы ты немедленно убралась из ее дома. Ты же посмела затащить в свою постель ее маленького сыночка, из-за чего у него могут быть неприятности. К тому же твой кавалер приедет сюда завтра утром, а весь город только и будет говорить о... — В голосе Фредерика звучали уверенность и насмешка. — Нет, кричать я бы не советовал.

Маргарет закрыла глаза и застыла. На мгновение перед ее мысленным взором возникли лица людей, с которыми она встречала Новый год. Теперь она видела в них ухмыляющихся, похотливых заговорщиков, скрывающих свою сущность под личиной деревенского здоровья и чистоты,

плетущих паутину, в которую она и угодила, оставшись в их снежной крепости.

Внезапно одним движением Фредерик перекатился на нее. Он уже успел расстегнуть одежду, и его гладкая, теплая грудь прижалась к груди Маргарет. И какой же он был огромный. Ее буквально расплющило. Маргарет чувствовала, как глаза наполняются слезами, но сумела остановить их поток.

Медленно, методично Фредерик раздвигал ей ноги. Зато он отпустил руки, и Маргарет тут же пустила в ход ногти, ощутив, услышав, как они с резким, неприятным скрипом вспарывают кожу. Снова и снова, пока Фредерик не сумел схватить ее за руки, ногти Маргарет впивались в его лицо.

— Сучка! — выдохнул Фредерик, зажав оба ее запястья в своем огромном кулаке. Размахнувшись свободной рукой, он ударил ее по губам. Брызнула кровь. — Паршивая американская сучка!

Он сидел на ней верхом. Маргарет застыла, глядя на него снизу вверх, торжествующая, окровавленная, непокоренная, а луна продолжала заливать комнату серебряным светом.

Фредерик ударил ее вновь, теперь тыльной стороной ладони. От костяшек пальцев исходил отвратительный запах кухни.

— Если ты не уйдешь, — Маргарет чеканила каждое слово, хоть голова у нее шла кругом, а к горлу подкатывала тошнота, — завтра я тебя убью. Мой друг и я убьем тебя завтра. Я тебе обещаю.

Фредерик по-прежнему сидел на ней, сжимая обе ее руки одной своей. Царапины на его лице сочились кровью, длинные светлые волосы падали на глаза, дыхание шумно вырывалось изо рта, взгляд жег огнем. Но мгновение спустя он отвел глаза.

— Ладно. Не нужны мне девушки, которые меня не хотят. Связываться с такими смысла нет. Одна маета, никакого удовольствия.

Он отпустил ее руки. Ребром ладони двинул по скуле, вылез из кровати, зацепив коленом. Сознательно, чтобы причинить боль. Постоял у окна, поправляя одежду, заливая разодранную ногтем губу. Спокойный свет луны пре-

вратил Фредерика в маленького обиженного мальчика, которого лишили сладкого.

Наконец он застегнул последнюю пуговицу и широко-ми шагами пересек комнату.

— Я уйду через дверь. Имею право.

Маргарет молчала, уставившись в потолок.

Фредерик остановился у двери. Ну не мог он уйти победенным, ему ужасно хотелось хоть чем-то поддеть Маргарет. Она буквально ощущала, как ворочаются медлительные мозги в его крестьянской голове.

— Хрен с тобой, возвращайся к своим жидам в Вену!

Фредерик распахнул дверь и ушел, не закрыв ее за собой. Маргарет встала и тихонько затворила дверь. С лестницы доносились тяжелые шаги, гулким эхом отдававшиеся от старых деревянных стен спящего дома.

Ветер стих, комнату заполнял морозный воздух. Маргарет начала бить дрожь. Она подошла к окну и закрыла его. Луна скатилась к самому горизонту, ночь готовилась уступить место дню, силуэты мертвых гор темнели на фоне сереющего неба.

Маргарет посмотрела на кровать. Простыня порвана, на подушке капли крови, темные и таинственные, мятые, сбитые покрывала. Дрожа, она оделась. Болело все тело, особенно тоненькие косточки запястий. Маргарет натянула на себя все свитера, две пары шерстяных носков, сверху надела пальто, но никак не могла согреться и продолжала дрожать. Так и не уняв дрожь, она села в маленькое кресло-качалку у окна и уставилась на горы, наблюдая, как они выплывают из ночи, как на их уже побелевшие вершины нисходит первый зеленый свет зари.

Зеленое уступило место розовому. Свет распространялся все ниже, наконец заблестел снег на склонах, сигнализируя о наступлении утра. Маргарет поднялась и покинула комнату, не взглянув на кровать. Осторожно, стараясь не скрипеть половицами, прошла через дом, в углах которого еще царствовала ночь, а на первом этаже в воздухе висели запахи вчерашнего торжества, открыла тяжелую дверь и ступила в еще сонный, белоснежный и индиговый новый год.

Она бесцельно бродила по пустынным улицам, меж сугробов, обрамляющих тротуары, чувствуя, как холодит лег-

кие разреженный утренний воздух. Открылась дверь, на пороге появилась кругленькая маленькая женщина в фартуке, с совком в руке, розовошекая, улыбающаяся.

— Доброе утро, фрейлейн, — поздоровалась она. — Прекрасное утро, не так ли?

Маргарет бросила на нее взгляд и торопливо прошла мимо. Женщина посмотрела ей вслед. Недоумение на ее лице сменилось злобой, и она с треском захлопнула дверь.

С улицы Маргарет свернула на дорогу к горным склонам, поблескивающим в ожидании гостей. Шла она ровным шагом, глядя себе под ноги, поднимаясь все выше и выше. Сойдя с дороги, по утоптанному снегу направилась к лыжной хижине, словно сошедшей со страниц книги сказок, сложенной из громадных стволов, с высокой крышей, накрытой снеговой шапкой.

Перед хижинной стояла скамейка, и Маргарет плюхнулась на нее, внезапно почувствовав, что силы иссякли и больше ей не сделать ни шагу. Она смотрела на горный склон, сначала пологий, а потом все круче забирающий к вершине, которая пыталась пронзить синее небо черными остриями скал.

«Я не буду об этом думать, — сказала себе Маргарет. — Не буду». И она тупо смотрела на горный склон, стараясь прочертить на нем оптимальную траекторию спуска. «Я не буду думать об этом. — Языком она слизнула запекшуюся кровь с разбитой губы. — Потом, возможно, я подумаю об этом, потом, когда успокоюсь, когда пройдет шок... Самый опасный участок внизу справа, на глубоком снегу у самого обрыва, потому что выскакиваешь туда на большой скорости из-за холмика. Надо описать широкий полукруг, чтобы избежать торчащих камней... и, если вдруг отвлечешься, можно потерять ориентацию, запаниковать...»

— Доброе утро, фрейлейн Фриментл, — раздался мужской голос у нее за спиной.

Маргарет резко обернулась. Сзади стоял лыжный инструктор, худощавый, дочерна загорелый молодой человек, которому она улыбалась и которого попросила петь под аккордеон. Повинуясь импульсу, Маргарет встала и двинулась прочь.

Дистль шагнул следом.